

УДК 304.444

Миронов В.В.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ
В ПРОСТРАНСТВЕ
ГЛОБАЛЬНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

В работе проанализирована специфика трансформации культуры в условиях глобализации. Показано противоречие между культурными тенденциями как семиотической системы: стремлением к фиксации ценностей и необходимостью их цивилизационной адаптации к изменяющимся условиям бытия культуры.

Ключевые слова: глобальная культура, цивилизация, локальная культура, глобальная коммуникация, философия, трансформация культуры.

Миронов Владимир Васильевич,
Доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАН, декан философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
e-mail: dean@philos.msu.ru

© Миронов В.В., 2012 г.

Mironov Vladimir.V

**TRANSFORMATION
OF CULTURE IN SPACE
OF THE GLOBAL
COMMUNICATIONS**

In the article specificity of transformation of culture in conditions of globalization is analysed. The contradiction between cultural tendencies as semiotics system is shown: aspiration to fixing values and their necessity of civilization adaptation to varied conditions of life of culture.

Key words: global culture, civilization, local culture, global communication, philosophy, culture transformation.

Mironov Vladimir.V.,
The Doctor of Philosophy, the professor,
corresponding member of the Russian Academy of Science, the dean of philosophical faculty of the Moscow state university name M.V.Lomonosov
e-mail: dean@philos.msu.ru

© Mironov Vladimir.V., 2012

Сегодня в современной культуре под воздействием научно-технического прогресса в целом и прежде развития средств коммуникации и массмедиа происходят удивительные процессы. Мир переходит от системы локальных культур, которая доминировала вплоть до начала XX в., к становлению нового образования, которое можно обозначить как глобальная культура.

Для того чтобы проанализировать указанные процессы, необходимо дать некое рабочее определение понятию культуры, что само по себе является непростой задачей. Существуют два основных подхода в этом вопросе: *атрибутивный* и *структурный* [1]. Для нас важно, что и в том, и в другом подходе культура реализуется как двоякий тип деятельности по созданию материальных и духовных образований, которых не было в природе и которые составляют специфику именно разумной человеческой деятельности. Духовные ценности нельзя потрогать руками, но они вполне реальны и значимы для человека и общества. В каком-то смысле это также музейные экспонаты, которые мы признаём в качестве системы общечеловеческих ценностей, таких как Добро, Истина, Красота, Справедливость. Это некие культурные эталоны, из которых мы исходим в своих поступках и по которым мы даём оценку нашей деятельности. Несмотря на их кажущуюся эфемерность, они реализуются в виде норм, принципов, традиций и даже стереотипов поведения. Их отличие от материальных ценностей заключается в том, что они подвержены изменениям, которые, однако, происходят достаточно медленно, выступая для человека некой экзистенциальной константой. В любом случае описанная часть культуры является фактором её устойчивости, изменения здесь происходят медленно и реализуются как процесс накопления или как процесс сохранения (памяти), если речь идет о духовных ценностях.

В то же время культура приспособляется к условиям её существования и функционирования, вырабатывая в себе некий набор «средств практической адаптации» к социокультурным обстоятельствам. В этом плане она выступает как совокупность «устойчивых воспроизводимых субординационных и координационных связей между символическими программами поведения людей – объективированными в знаковых системах и живых человеческих сознаниях нормами морали и права, философскими мировоззрениями, эстетическими пристрастиями, религиозными верованиями, доминирующими в том или ином человеческом коллективе» [2, с. 377]. Это *свойство адаптации культуры к изменяющимся условиям существования является её цивилизационной характеристикой*. Таким образом, в культуре соединяются противоположные тенденции: стремление к фиксации ценностей и необходимость их цивилизационной адаптации к изменяющимся условиям бытия культуры.

С этой позиции мы можем интерпретировать культуру как семиотическую систему. Поэтому для внешнего наблюдателя она выступает как система закодированных знаков, значений и смыслов, которые часто могут быть понятны только представителю данной культуры, присутствуя в его сознании как культурная память. Такой системой закодированных знаков выступает текст как не только «генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах. Без этого историческая наука была бы невозможна, так как культура (и шире – картина жизни) предшествующих эпох доходит до нас неизбежно во фрагментах... Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текстов» [3, с. 21]. Таким образом, познание другой культуры осуществляется как познание единой семиотической системы (своеобразного Текста текстов, или Текста «с большой буквы») в результате расшифровки её кодов, т. е. закодированных смыслов. Эти явные или неявные смыслы культуры несут на себе печать своего формирования и функционирования в конкретном социокультурном пространстве. Для представителя другой культуры эти коды и смыслы могут с позиции представителя иной культуры показаться непонятными и странными, а для представителя собственной культуры – естественными жизненными установками, о которых он даже не задумывается. Внутренняя заданность смыслов культуры для её носителя выполняет функцию блокирования того, что Н. Луман называет «рискованной информацией», которая по тем или иным причинам нежелательна для данной культуры [4, с. 104].

Инструментом кодирования памяти культуры выступает реальный язык, с которым необходимым образом связано раскрытие смыслов. Живой язык обязательно включает в себя историю своего создания и функционирования [5, с. 13], чем он отличается от языка искусственного. Искусственная языковая система не представляет проблемы для расшифровки, так как является лишь абстрактной моделью коммуникации, которая «подразумевает не только пользование одним и тем же кодом, но и одинаковый объем памяти у передающего и принимающего...» [6, с. 13]. Иначе говоря, искусственная система не имеет «культурной» истории, это «структура без памяти», язык которой может обеспечить точность понимания в виде «чистой передачи» структуры, но всегда будет относительно беден. Искусственный язык, даже если он претендует на выступление в качестве средства общения (например, эсперанто), всегда останется лишь еще одной терминологией, т. е. «псевдоязыком» по отношению к живому. Это дает такому языку внешнее преимущество, его легко переводить и понимать в силу большей однозначности смыслов терминов. Однако слова такого языка «кажутся непроницаемыми, непонятными или, по крайней

мере, очень сложными для понимания людям, говорящем на настоящем языке, хотя на первый взгляд они написаны на нем же» [7, с. 338]. Познание культуры как системы живого языка, напротив, связано с познанием не столько структуры текста (грамматики языка), сколько с проникновением в его внутреннюю смысловую специфику, основанную на истории и особенностях данной культуры. Иногда необходимость языкового понимания требует реального погружения в другую культуру.

Современная стадия развития нашей цивилизации приводит к трансформации взаимоотношений между средствами коммуникации и текстом. В эпоху рукописной и печатной культуры доминировал текст как таковой, формируя соответствующие культурные, психологические особенности не только его восприятия, но и задавая понимание культуры, связанное прежде всего с понятийной структурой мышления. Абстрактное мышление было одним из оснований модели классической культуры. Сам процесс коммуникации выступал лишь как средство передачи информации, без существенного влияния на её содержание. Сегодня происходит изменение этого статуса коммуникации, когда она из средства превращается в собственное содержание коммуникативного процесса, трансформируя содержание по законам коммуникации. Коммуникация сама по себе становится стержнем современной культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации, а значит, безусловно, оказывая влияние на механизмы смыслообразования. Система массмедиа переходит из состояния некоего фона культурных событий в их творца, заставляя культуру функционировать по законам коммуникации массмедийного смыслового пространства как новой функциональной системы современного общества [8, с. 18]. В результате совершенно уникальное и стремительное техническое развитие «фоновое знание», каковым ранее только и могла быть система коммуникации, опирающаяся прежде всего на систему печатных средств, превращает его в новую реальность в качестве условия активных коммуникативных действий, позволяя индивиду самореализовываться в ней [9, с. 104].

В развитии человеческой культуры схожий процесс происходил в период перехода от устной к письменной, особенно печатной, культуре. Культура устного периода замыкалась в рамках узкого коммуникационного пространства (племени или отдельного народа). Возникшая письменная культура фиксировала содержание посредством создания рукописи, которая выступает субстанциальным средством хранения и распространения информации, что само по себе расширяет пространство коммуникации. Рукопись становится первым прорывом локального характера культуры и условием знакомства культур друг с другом, обеспечивая их смысловое взаимообогащение.

Одним из следствий этих процессов стало упорядочивание понятийной системы за счёт внесения в неё некоторых искусственных принципов [10]. Фактор упорядоченности, нацеленный на оптимизацию хранения информации, мог иметь целью как передачу данной смысловой информации другим, так и, напротив, задачу её сокрытия от других [11]. В любом случае смыслы культуры были закодированными, но был и механизм раскрытия этих кодов, даже без прямого погружения в иную культуру – перевод (расшифровка, декодирование) смыслов зафиксированных в письменной форме на другой язык. Письменность упорядочивала информацию по неким правилам, давая возможность сохранения информации. С другой стороны, она была слишком локализована, даже географическим пространством, и рассматривалась прежде всего как средство фиксации устной речи.

Культурный взрыв происходит в связи с возникновением книгопечатания, которое приводит к доминированию линейного типа мышления. Удобство книги в качестве носителя информации значительно экономит время поиска информации, что оказывает влияние на характер образования, в основе которого всё в большей степени лежит принцип выработки умения находить нужный материал. Об этом печалился Сократ, выступая против фиксации мыслей даже в письменной форме, так как, по его мнению, это приводило не к обладанию знанием или мудростью, а к манипулированию знанием других [12, с. 64]. Действительно, в чём-то Сократ оказался прав, ибо фиксирование мыслей приводит к их подчинению искусственным правилам языка. Человек начинает мыслить грамматическими формами, трансформируя по законам грамматики окружающее нас бытие [13, с. 4, 201–202].

Возникает ещё одно противоречие. Книгопечатание выводит устную культуру за горизонты фонетического и пространственного ограничения, но одновременно порождает её замыкание пределами национального языка. Культура, по выражению Ю.М. Лотмана, кодируется языком, т. е. становится семиотически замкнутой. В результате описанных процессов в силу множественности живых языков мы наблюдаем своеобразное «столкновение» этих замкнутых локальных культур, реализующееся в напластовании информации и смыслов. При этом происходит напластование информации горизонтальной, связанной с расшифровкой кодов современной культуры, и информации вертикальной, связанной с её исторической интерпретацией, т. е. переводом на современный язык исторически ушедших от нас смыслов. Это неизбежно приводит к опасности «модернизации» смыслов через внесение в него нового содержания, но одновременно вырабатывается идеальный пласт того, что мы обозначаем как историческую память, обеспечивающую коммуникацию поколений. Связывая между собой людей и общество как по горизонтальной (диахронической)

составляющей, так и по исторической вертикали, культура обеспечивает память человечества в целом.

В результате человеческая культура предстает перед нами как некое целое, состоящее из подсистем локальных культур. Признак локальности выступает доминирующим для периода классической культуры. Это позволяет выделить некоторые особенности данного типа культуры и проанализировать те трансформации, которые происходят в ней в результате изменения системы коммуникационного пространства в современном мире.

Локальность классической культуры проявлялась в том, что для человека, находящегося внутри неё, она представляла собой почти застывшую систему. Изменения, происходившие в ней, обнаружить было почти невозможно, так как они выходили за рамки индивидуальной жизни. Ядро такой культуры на протяжении столетий оставалось неизменным, его основное содержание передавалось от поколения к поколению. Именно эта консервативность и элитарность определяли лицо классической культуры. Оценить изменения можно было лишь извне и, как правило, лишь по прошествии длительного времени. Такая культура была основана на эволюционной адаптации новообразований, претендующих на статус культурных ценностей, что обеспечивало её стабильность за счёт безболезненного приспособления к себе новых компонентов и их постепенной модификации.

В основе адаптивного механизма лежало структурное распадение культуры на два больших компонента. На это в своё время обратил внимание М.М. Бахтин, анализируя так называемую «смеховую культуру» периода Средневековья и Ренессанса. *«Низовая» часть культуры* вбирала в себя стереотипы, традиции и нормы жизни, характерные для большинства людей в их повседневной жизни, была близка конкретному человеку. *Высокая культура* вырабатывала продукты, далеко отстоящие от стандартных жизненных стереотипов и представлений, была удалена от реальности, представляя собой идеальный культурный пласт. Эта – верхняя – рафинированная часть культуры постепенно оформляется в истории человеческой цивилизации как Культура «с большой буквы». Она принципиально удалена от повседневности, даже от конкретной личности. Она требует определенной подготовки при её восприятии, определенной формы организации пространства для репродукции своих образцов. Ценности Культуры именно за счет того, что они приняли рафинированную форму, охраняют себя от влияний извне. Это идеализированная часть культуры стабильна, настороженно относится ко всяким изменениям, но именно она обеспечивает базис общечеловеческой культуры. Таким образом, культура представляла собой образование, содержащее в себе противоречивые стороны в виде наличия массового и элитарного векторов, находящихся в относительном единстве [14, с. 17].

Для локальной культуры характерными являются свойства и смысловые дихотомии [15], некоторые из которых мы рассмотрим в качестве примера, так как именно они подвергаются трансформации в современной культуре.

Дихотомия «прикровенность-откровенность» была связана с представлением о том, что некоторые явления и формы поведения, несмотря на то, что они присутствуют в реальной жизни, должны быть сокрыты для человека, что реализовалось в соответствующем культурном стереотипе поведения [16]. Конструируется своеобразная периферийная зона бытия – его изнанка, которая присутствует в жизни людей, но о которой не принято рассуждать, она требует смыслового прикрытия. Это доходило до абсурда, который в гротескной форме описал Н.В. Гоголь, зафиксировав внутрикультурную оппозицию между обыденностью, бытом, простотой поведения, отраженного в языке нормального человека, и семантическим его инвариантом, якобы отражающим существование человека в «высокой» культуре [17, с. 439].

Дихотомия «свой-чужой» отражала ситуацию замкнутости и самодостаточности локальной культуры, которая часто проявлялась в её противопоставлении (иногда достаточно жестком) иным культурам. Каждая из культур вырабатывала в себе мощнейший каркас, некий «иммунитет» к «чужому». Соответственно, своё (внутрикультурное) рассматривалось как истинное, как ценное для меня. Чужое, напротив, как отрицание моего, а значит, ложное (и даже враждебное) [18]. Усиление напряжения данной дихотомии в процессе формирования локальной культуры было значительно закреплено возникновением книгопечатания, которое оформило национальный характер культур соответствующей совокупностью текстов и фиксированных смыслов, как бы замкнув их в национальном языке. Именно поэтому, как мы увидим ниже, первый и наиболее мощный удар процесса глобализации наносится именно по национальному языку.

Книгопечатание, как мы отмечали, породило и ещё одно свойство локальной культуры – *линейность интерпретации мира*. Линейность как принцип выстраивания смысла письменной речи надолго становится культурным эталоном самовыражения, которому следовало подражать. Именно в этом качестве он закрепляется как один из основных признаков классической культуры [19, с. 66, 134]. Проявляется это в том, что человек начинает выстраивать своё мышление линейным образом, в том числе преобразуя нелинейные типы коммуникации, подчиняя их правилам письменного языка, вовсе не вытекающего из естественного характера устной речи. Представим себе беседу, которая осуществляется между двумя-тремя собеседниками, течение которой сопровождается массой внешних факторов. Например, в разгар беседы скрипит дверь, и мы реагируем на это восклицаниями, или нам приносят закуску, и мы, отвлекшись

от беседы (нарушив линейность), обсуждаем её качество, а также внешность девушки, которая её принесла. Эти «отвлечения» – неотъемлемая часть беседы. Но как только попытаемся всё это зафиксировать на бумаге, мы будем вынуждены проинтерпретировать все действие линейным образом по соответствующим правилам. Тогда момент принесения закуска или скрипа двери окажется в скобках, как в пьесах. Обсуждение внешности девушки вообще может оказаться незафиксированным. Мы не вдумываемся порой, что и двери, по их отражению в передаваемых словах романов, скрипят по-разному, и мяуканье кошек различается. Линейное отношение к миру проникает на все уровни сознания, становясь «основой для организации всех других видов деятельности» [20, с. 207]. Происходит закрепление систематического линейного мировоззрения как способа объяснения всего линейной и замкнутой структурой, в качестве каковой выступает и весь мир в целом – от законов классической физики до линейной концепции формаций К. Маркса.

Это становится важнейшим признаком классической культуры, который реализуется в принципе *завершенности*. Культурное творчество здесь направлено на создание завершенных объектов, будь то произведения музыки, архитектуры или философии. Во всех случаях перед нами завершенное произведение, в котором структура продумана от начала до конца. Литературный текст выступал как эталон текста вообще, некий завершенный смысл. Письменность закодировала живую культуру (или её часть), живую коммуникацию, которую можно понять, лишь зная эти коды (алфавит и грамматику). Неграмотный человек оказывается вне культуры, а поэтому и изначальным признаком культурности выступает *грамотность*.

Диалог между локальными культурами реализовывался внутри особого коммуникационного пространства, который Ю.М. Лотман обозначил как семиосфера (по аналогии с биосферой), в которой роль «живого» элемента выполняет язык или точнее языки с их различающимися смыслами и разнообразием социокультурных форм функционирования [21, с. 194]. Культуры пересекались между собой как языковые множества. Область пересечения в редких случаях могла быть большой (гипотетично даже тождественной), но в основном незначительной, чему соответствовало и пересечение смыслов культур. Область тождества выполняла функцию проникновения в область нетождественного, а потому нетривиального и интересного. «Ценность диалога оказывается связанной не с той пересекающейся частью, а с передачей информации между непересекающимися частями. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в пределе делает его невозможным» [22, с. 15]. Именно неизвестное (область непересекаемого) требовала раскрытия и адаптации культур друг к другу. Желание и необходимость понимания

увеличивало область смыслового пересечения, но этому препятствовало «напряжение», возникающее в процессе диалога культур, связанное с тенденцией самосохранения внутренних смыслов культуры. Познание области несовпадения (изначального непонимания) культур обогащает их новыми смыслами и ценностями, хотя и затрудняет сам факт общения.

Мощные интеграционные процессы глобализации оказывают влияние на изменение характера диалога между культурами, на структурообразующие компоненты всей системы культуры. Объективность процесса глобализации, повышение комфортности существования человека часто скрывают негативные следствия, сопряженные с этим. Если одной стороной глобализации выступают интеграционные процессы, то оборотной – процессы дезинтеграции, в частности процессы «национальной дезинтеграции» [23], которые разрушающе воздействуют на культурные, политические, экономические и даже личностные особенности человека. Глобализация подталкивает мир к процессам интеграционного типа, но при этом не всегда понимается, что она может как носить синтетический характер, основанный на соединении положительных компонентов систем, так и быть реализованной как тип интеграции, подавляющий особенности систем. Глобальная интеграция может реализоваться в системном тоталитаризме нового типа с совершенно уникальными возможностями манипуляции над сознанием (благодаря новейшим средствам коммуникации) как отдельного человека, так и общества в целом при внешней видимости демократического устройства [24].

Изменение средств коммуникации и возникновение глобального коммуникационного пространства трансформирует человеческую культуру. Трансформация здесь означает не просто изменение через эволюционную смену отдельных элементов системы, а изменение самой сущности системы, т. е. её переход в иное качество. Это направленный внутренний процесс изменения, который, в отличие, например, от революции, в большей степени сокрыт от наблюдателя, ибо реализуется за счёт встраивания в неё чужеродных элементов, внешне не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющих её работать иным образом. Трансформация, происходящая с культурой, аналогична процессу трансфекции клетки, когда в неё встраивается фрагмент чужеродной ДНК. В этом случае клетка инфицируется, в результате чего запускается механизм её трансформации, приводящей на генетическом уровне к изменению фенотипа. Во многом этот процесс в живых организмах трудно контролируем, что порождает непредсказуемые последствия (мутации). При этом условием трансфекции выступает внешнее электрическое поле (электропорация). В ряде случаев она может заставить клетку саму бороться с наследственными болезнями.

Трансформация культуры – это схожий процесс привнесения в неё «культурной инфекции» в качестве чужеродной составляющей, которая

аналогично описанному процессу может запустить механизм её модификации изнутри. При этом глобальное коммуникационное пространство является средством (информационным пространством) инфицирования культуры. Через коммуникационное пространство, в которое погружены все культуры, они в буквальном смысле атакуются «медиавирусами» [25]. Наибольший эффект достигается, как и в случае с живыми организмами, в тех местах, где ослаблен иммунитет системы – её «культурный иммунитет». Культура получает инфекционное заражение через насаждение в неё культурных стереотипов, которые не вытекают из её истории и особенностей функционирования. Впитывание порций однотипных культурных инфекций способно модифицировать всю человеческую культуру [26].

В результате диалог между культурами начинает осуществляться в иных семиотических условиях, чем это происходило ранее. Диалоговое пространство, определяемое новейшими возможностями и средствами коммуникации как условие адаптации культур, расширяется безгранично. Значительно упрощается сам характер общения, который осуществляется по законам и стереотипам, далеко отстоящим от сущности и традиций самих культур. Коммуникация превращается в самостоятельную субстанциональную структуру, а отдельные культуры оказываются внутри этой агрессивной среды. Совокупность информационных средств, умноженная на новейшие технологии и массмедийные конструкции, превращает пространство семиосферы как условия адаптивно-адаптирующего диалога культур в инфосферу как особую реальность, в определенном смысле функционирующую независимо от человека, но делающую его и мир зависимым от неё. Столь мощных процессов в изменении форм коммуникации в истории человеческого общества не было. Даже книгопечатание при всей его революционности не создавало кардинально нового качества. Его распространение было относительно медленным, адаптирующимся к культуре эволюционным образом. Нынешняя массмедийная составляющая общества развивается столь мощно и стремительно, что вступает в противоречие с основами классической культуры, что заставляет вновь говорить о кризисе культуры.

Действительно, происходит разрушение выделенных выше культурных дихотомий. В рамках современной культуры *дихотомия «прикровенность-откровенность» исчезает* и то, что раньше считалось необходимым скрывать, переходит в свою противоположность, становясь открытым и доступным. Принцип открытости в современном общении между людьми, так наглядно реализующийся в знаменитой американской улыбке, реализуется и в более сложных феноменах. «Запретные» в рамках старой культуры взаимоотношения между людьми становятся модными и популярными, являясь основой соответствующего вседозволенного поведения. В обществе происходит сексуальная революция, которая выводит традиционно при-

крытые взаимоотношения между людьми и переживания этих взаимоотношений в культурных образах за рамки индивидуальной интимности. Поэтому в рамках расширения сферы получения удовольствий огромное место занимает «эротизация культуры» как проявление высшей свободы выбора индивидуального удовольствия. Ранее термин «интимность» семантически закреплял прикрытие отношений между людьми, определяя рамки и условия обсуждения и демонстрации. Сегодня понятие «интимность» сопряжено с фактом публичного раскрытия запретного, причем для широкой аудитории. Сам объект этой демонстрации в культуре всегда присутствовал, и цивилизация не привнесла ничего особенно нового, например, в систему сексуальных взаимодействий, кроме, может быть, некоторых технических средств. Однако если ранее это было объектом одновременного восприятия небольшого количества людей, то теперь это одновременно могут переживать миллионы. Неслучайно Ю.М. Лотман оценивал сексуальную революцию как наиболее мощный таран антикультуры XX столетия [27, с. 8].

Наносится удар по принципу завершенности, который господствовал в классической культуре, уступая место клиповому сознанию, основанному на поверхностном восприятии фрагментов реальности. Целостность мира дефрагментируется, и человек внешне свободно может складывать самостоятельную картинку из воспринятых фрагментов действительности. Однако это сопряжено с потерей выявления сущностного и истинного характера явлений. Проблема истины как отражения сущностных характеристик объекта уступает место свободной интерпретации.

В мире господствуют интегративные языковые тенденции. Одним из результатов этого становится подчинение всех языков тому, который в наибольшей степени способен себя распространить в силу политических, научно-технических и других условий. Это способствует расширению «псевдокультурного» поля общения, диалог в котором осуществляется по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур, то наименее содержательной, если можно так сказать, наименее культурной части культуры. В этом коммуникационном поле господствуют общие стереотипы, оценки, параметры требуемого поведения, её общедоступные, т. е. наиболее простые, компоненты. Безусловно, что это сопряжено с массой удобств, но одновременно может лишить диалог между культурами всякого смысла. Мы можем понять любого человека в любой точке Земли, но на уровне совпадения или даже тождественности смыслов. Это становится общением ради общения. Общение без насыщения смыслами. Общение со своим зеркальным отображением по заданным стереотипам коммуникации.

Происходит резкое увеличение образований, претендующих на статус культурных. Старая система ценностей подвергается мощнейшему давлению и разрушению, а временные рамки адаптации не позволяет

новым символам адаптироваться к традиционной смысловой системе ценностей. Разрушаются системы ценностей и традиций, которые господствовали веками. Новые ценности настолько расходятся с традиционными, что их культурообразующий смысл остается не всегда ясным. Это положение усугубляется тем, что мыслители, которые дают оценку сегодняшней ситуации в культуре, часто являются носителями традиционной системы ценностей, в которой они формировались как личности. Подняться над этим личностным образованием очень трудно и для многих мыслителей просто невозможно. Это порождает пессимистические настроения. Возрастает количество людей, воспринимающих культурные образования, но оно лишается той утонченности и глубины, той степени подготовки, которой требовало ранее.

Нарушается пропорция между высокой и низкой культурой. Последняя становится массовой не только по количеству вовлеченных в неё субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения (тиражирования). В этом смысле массовая культура – это типично низовая культура, но значительно усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования.

В этих условиях возникает *феномен поп-культуры* как доминирование низкой культуры, ставшей массовой по характеру своего производства и потребления, продукты которой широко распространяются благодаря современным средствам коммуникации. В этом смысле поп-культура противостоит не только высокой (элитарной) культуре, но и культуре в целом, представляя собой контркультурное явление. Это симуляция культуры, подменяющая собой культуру как таковую. Она не имеет своих национальных корней, даже если сопряжена с языком своей культуры. Главным отличием поп-культуры является изменение характера производства и потребления её образцов, для которых важнейшим фактором становится массовость и оперативность распространения. Это, в свою очередь, порождает бесконечное приумножение сферы удовольствий и развлечений. Современное общество становится фабрикой развлечений, потребителями продуктов которой становится всё общество. Неслучайно сам термин «фабрика», например, «фабрика звезд», используется почти в прямом значении, т. е. как унифицированное массовое производство звёзд, что, по сути, противоположно понятию «звезда» как проявлению уникальности.

Особенностью поп-культуры является чрезвычайная *агрессивность* и всеядность, что проявляется в том, что тиражированию (и моде) может быть подвержено всё, в том числе и образцы высокого искусства. Поп-культура «вырвалась» из системы культуры, став её превращённой формой – симуляцией культуры. Условием развития поп-культуры является

постоянная раскрутка в медиапространстве, охватывающим не только развлекательную сферу, но и все сферы бытия человека. Например, законы раскрутки в виде проектов – от политических до индивидуальных – становятся обязательной нормой, часто прикрывая их содержательную бедность. Поп-культура – это самовыражение современной массовой культуры и типичный продукт глобального информационного пространства. Она принципиально отстранена от фундаментальных этнических, религиозных оснований и традиций. Её условием является интегрированная информационная среда, а реализацией – массовые действия, которые мы нынче обозначаем как шоу.

Поп-культура – прекрасная среда для распространения медиавирусом [28, с. 15]. Принципом их распространения является узнаваемость в медиапространстве, на чём и базируется вся поп-культура, будь то узнаваемость поп-звёзд или поп-лидеров политики. Важным признаком поп-культуры является неотделимость репродуцируемых произведений от воспринимающей его массовой среды и самих средств технической репродукции. Исполняющий поп-музыку и слушающий ее – это одно целое, их невозможно представить друг без друга. В шоу господствует не индивидуальное, т. е. отличное от другого, творчество, а принцип соучастия. Участие само по себе становится формой коммуникации без необходимости какого-то понимания другого или передачи какого-то смысла. Поэтому и знание языка здесь практически не нужно или сведено к минимуму.

Влияние поп-культуры на общество именно благодаря новейшим средствам коммуникации и возможностям аудиовизуальных средств безгранично и проникает на все уровни общественного сознания. «Поп-музыка перевела религиозные, а именно христианские, формы причащения в архаическую плоскость и превзошла те возможности поглощения, которые предлагаются подле алтарей, рекомендуя публике припасть к психоакустическим телесным полостям и тем самым словно присоединиться к шествию современных "звуковых богов"» [29, с. 541–542]. Поп-шоу опирается на активное поведение и взаимодействие массы, сиюминутно учитывая её реакцию. Исполнитель воспринимается слушателями как часть их самих, и они требуют от него соответствующего их настроению поведения, а не элитарной отстраненности. Поскольку бесконечное шоу поп-культуры пронизывает жизнь каждого человека, то оно не ограничивается только традиционными средствами развлечения, а превращает в развлечение всю окружающую действительность. Человек буквально во всем ищет зрелищности, а средства массмедиа помогают её представить в соответствующей яркой форме. Реальная жизнь подменяется бесконечными реалити-шоу как пример высшей степени симуляции, которая не так безобидна, ибо вырабатывает в человеке однотипные, а значит, легко манипулируемые стереотипы поведения. Это может представлять опреде-

лѐнную опасность для общества, когда агрессивность по любому поводу может выплеснуться на улицы и носить массовый характер просто из-за реализации сознания (вируса) соучастия, как в карнавале. Представляется, что многие события такого типа последних лет, имея, безусловно, поводы политического характера, в большей степени детерминированы именно изменениями в самой культуре. Несмотря на их опасность и серьёзность, они очень напоминают карнавальное шествие средневековья.

Мы начинаем погружаться в «реальность», которая конструируется массмедиа, и современный мир превращается в большое поп-шоу и работает по законам данного жанра. В каком-то смысле происходит погружение общества в современный средневековый карнавал, который вошел в нашу жизнь, в условиях иной информационной среды. Низовая культура становится официально признаваемой как ее превращенная форма, и её представители удостоиваются высоких званий и наград, становятся героями. Блестящим условием для нарастания и закрепления карнавала становится Интернет. Общение в Интернете – это виртуальное карнавальное шествие со всей его атрибутикой. Вместо собеседников – маски, которые позволяют говорить все что угодно, включая оскорбления и пр. Интернет переводит реальную жизнь в виртуальный карнавал, значительно продлевая время его действия. Бесконечное шоу поп-культуры пронизывает жизнь каждого человека, превращая в развлечение всю окружающую действительность. Человек буквально во всем ищет зрелищности, а средства массмедиа помогают их представить в соответствующей яркой форме. Неслучайно наиболее яркие шоу реализуются в политике, ибо политика в большей степени, чем какая-нибудь иная деятельность, напрямую зависит от популярности того или иного лидера.

Диспропорция, сложившаяся в культуре, не безобидна, особенно если она принимает затянувшийся характер, и люди, родившиеся в ней, уже не знают иной культуры. Альтернативное состояние современной культуры чревато агрессивностью по отношению к иным формам проявления культуры. Устойчивый и длительный характер такой альтернативности приводит к вырыванию из культуры фундаментальных основ в виде системы общечеловеческих ценностей и интересов. Таким образом, для описанного состояния культуры характерны все признаки низовой культуры, в центре которой стоит так или иначе понимаемая повседневность, ставшая наивысшей культурной ценностью (Г.С. Кнабе).

Массовая культура и шоу пронизывают все уровни сознания общества, в том числе и науку, формируя её образ, адаптируя информацию по законам массовой коммуникации до неузнаваемости, но зато удобную для массового потребления. Это проявляется, например, в росте числа фальсификации научных открытий. Имитация научной деятельности хорошо финансируется различными премиями и грантами и постепенно деформи-

рует сознание человека, занимающегося наукой, который понимает, что имитация проще и надежнее приводит к популярности, а значит, возможности финансирования научных исследований, если они таковыми остаются [30]. Скандал и сенсация становятся факторами, сопровождающими научную деятельность. Таким образом, мы наблюдаем процесс того, как поп-культура модифицирует образ науки. Как есть поп-звезды эстрады или религии, справедливо отмечает Симон Кардонский, возникают и поп-ученые с полным набором атрибутики поп-звезды. «Мнения поп-ученых, иногда обоснованные их научными результатами, но чаще всего не обоснованные, стали весьма ходким рекламным товаром... Оказалось, что вкладывать деньги в персонифицированную научную рекламу и научные страшилки гораздо эффективнее, чем в получение нового знания» [31].

Философия – это самосознание культуры, отражающей конкретно историческую стадию развития общества. Её содержание не может не зависеть от новых условий, связанных с господством массовой культуры. Вследствие этого неизбежно возникают популярные образы философии, адаптированные для восприятия массовым сознанием. Далее, как это часто бывает в культуре, происходит метаморфоза (смысловое «оборачивание»), и превращённые образы становятся предметом «серьёзного» профессионального философского интереса в виде, например, философии Симпсонов или доктора Хауса [32]. Грань между реально философским содержанием и его имитацией исчезает.

Период постмодерна в культуре породил имитирующие формы философии, в рамках которой центральным стержнем выступает критическое отношение к рациональному мышлению и, кстати говоря, к завершённому тексту как выражению классической культуры. Неслучайно «главным врагом» постмодернизма становится метафизика с её принципами рационального объяснения бытия. Отсюда вытекает критика метафизического языка как языка философии [33]. Понимание языка из средства понятийного анализа объектов трансформируется в некое демоническое начало, навязывающее структуру объектам и бытию в целом. Происходит абсолютизация методов деконструктивного разрушения, и деконструкция сама по себе становится в центр философской рефлексии. Предлагается «языковое» прочтение философских проблем, основанное на возможности бесконечного расшатывания устоявшихся языковых стереотипов и поиска новых смыслов и значений. Фактически язык анализируется не как средство понятийного анализа объектов, а как своеобразное демоническое начало, которое навязывает структуру объектам и бытию в целом.

Постмодернизм оказался формой философии, развитие которой удивительным образом совпало с процессами изменений в сфере коммуникации. В виртуальном пространстве Интернета стала возможной «смерть автора», ибо исчезает всякая ответственность за сообщение и воз-

никает соблазн мистификаций [34]. Реализуется идея гипертекста, позволяющего ассоциативно и бесконечно перескакивать от одного фрагмента к другому, без необходимости осуществлять смысловое связывание получаемой информации [35]. Это обеспечило популярность постмодернизма, так как он оказался на стыке тектонических сдвигов, происходящих в человеческой культуре, отразив умонастроение эпохи постмодерна, в которой человек устал читать толстые тексты, будь то образцы литературы или философии, объективно не имеет для этого времени, заполненного поглощением информационных клипов. Постмодернизм опирается на фрагментарность и клиповость массового сознания современного человека, фиксируя сиюминутный событийный момент, не утруждая себя вопросами о сущности происходящих событий. При всей его внутренней рафинированной сложности он выражает господство обыденного сознания и ценностей повседневности. Однако отражая нарастание степени внутренней свободы людей, не желающих опираться на готовые рефлексивные схемы, он не даёт ответа о степени ответственности, которая может наступить после переживания пьянящего чувства свободы.

За свободой мышления может стоять банальность и упрощения, которые доминируют в современной культуре [36, с. 181]. Конечно, философия выступает как реализация творческих потенций человеческого сознания, которая осуществляется на самом обширном первично-бытийном, коммуникационном и семиотическом пространстве, включающем в себя как рациональное исследование феноменов бытия, так и конструирование новых смыслов, позволяющих взглянуть на мир «с иной стороны». Тем не менее эта «иная сторона» должна находиться в рамках философского рефлексивного смыслового пространства, а не выступать имитацией философского мышления.

Примечания

1. *Момджян К.Х.* Философия общества // *В.Г. Кузнецов, И.Д. Кузнецова, В.В. Миронов, К.Х. Момджян.* Философия. Учение о бытии, познании и ценностях человеческого существования М.: ИНФРА-М, 1999.

2. Там же. С. 377.

3. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 21.

4. «Воздействие памяти проявляется во всех операциях общественной системы, а значит – во всех коммуникациях, где она служит для контроля текущей непротиворечивости с оглядками (im Seitenblick) на известный мир и исключает рискованную информацию как невероятную» (*Никлас Луман.* Реальность массмедиа. М., 2005. С. 104)

5. «Язык – это код плюс его история» (*Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992. С. 13).

6. Там же.

7. *Ортега-и-Гассет Хосе*. Что такое философия? ... С. 338.

8. См. *Никлас Луман*. Реальность массмедиа... С. 18.

9. «Поскольку массмедиа порождают некую фоновую реальность, способную стать отправной точкой, то от неё можно и оторваться, выделиться на её фоне своими личными мнениями, прогнозами, предпочтениями и т.д.» (*Никлас Луман*. Реальность массмедиа... С. 104).

10. Создание и внедрение искусственного в природное является, как мы отмечали в начале статьи, признаком процесса окультуривания.

11. Это блестяще описывает Умберто Эко в книге «Имя Розы», показывая, что библиотека является не только местом хранения книг для чтения другими, но и местом сокрытия их от непосвящённых. В частности, это касалось очень многих философских трудов античности, которые распространялись весьма дозированно.

12. См.: Платон. *Федр.* / Пер. А.Н. Егунова; под ред. Ю.А. Шичалина. М., 1989. С. 64–65. Сократ здесь подмечает действительное обстоятельство развития письменной, а затем печатной да и вообще всякой культуры, основанной на фиксации речи. В них важную роль начинает играть форма сохранения смысла (от письменной до нынешней, электронной).

13. Фонетический алфавит, законы грамматики оказывают влияние «на формы опыта, мировоззрение и самовыражение» (*Маклюэн М.* Галактика Гутенберга... С. 4). Можно по обратной аналогии проиллюстрировать это на примере того, как нынешняя виртуальная коммуникационная культура влияет на технологии образовательного процесса. Проявляется это в моде на презентации вместо классического чтения лекций. Это не просто реакция на возможность использования технических достижений. Человек начинает приобщаться к электронным средствам информации очень рано, фактически на стадии формирования устной речи, грамотности. Такое раннее приобщение способствует закреплению восприятия визуальных образов. И если ранее от них переходили к элементам абстрактного мышления, то сегодня образ (картинка) остается фактически главным средством коммуникации, первичным по отношению к словам и буквам. Человек часто с трудом воспринимает смыслы, выраженные не визуальным способом. В результате не ученик подтягивается к знанию, а преподаватель (как носитель знания) адаптируется под возможности ученика. «Наше время – это ранняя стадия эпохи, для которой печатная культура становится такой же чуждой по своему смыслу, какой рукописная культура была чужда восемнадцатому столетию... Мы первобытные люди новой культуры» (*Маклюэн. М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры... С. 201–202).

14. Г.С. Кнабе отмечает: «Как характеристика человеческого общества, культура обусловлена фундаментальным свойством этого обще-

ства – диалектическим противоречием отдельного, индивидуального, личного – словом человека, и родового, коллективного, совокупного – словом, общественного целого... Культура как форма общественного сознания отражает это двуединство общества – всегда состоящего из индивидов, самовоспроизводящих себя в процессе повседневной практики, и из норм и представлений, основанных на обобщении этой практики и регулирующих поведение этих индивидов в процессе той же практики» (Кнабе Г.С. *Двуединство культуры // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. С. 17).*

15. В целой серии работ их блестяще анализировал Георгий Степанович Кнабе.

16. Запретные книги для чтения в определённом возрасте, запретные темы, запретные помещения, запретные языковые выражения и пр.

17. «Дамы города N были то, что называют презентабельны». «Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством платка». Ни в коем случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что подало бы намек на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведет себя...»» (Гоголь Н.В. *Мертвые души // Повести. Пьесы. Мертвые души. М., 1975. С. 439).*

18. Можно, наверное, в связи с этим сказать, что тезис о единой общечеловеческой культуре весьма относителен.

19. Линейность порождалась письменной речью ещё до книгопечатания, однако в силу малой распространённости это свойство ещё не могло носить массового характера. В древнем и средневековом мире «внутреннее проговаривание само собой считалось неотделимым от горизонтального слежения за словами на странице» (Маклюэн М. *Галактика Гутенберга... С. 66).* «В средние века, как и в античности, читали не так, как сегодня (т.е. в основном глазами), а губами, произнося видимые глазом буквы, и ушами, прислушиваясь к произносимым словам, т.е. к тому, что называется «голосами страниц». Это было именно акустическое чтение...» (Там же. С. 134).

20. См. Маклюэн М. *Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2004. С. 207.*

21. *Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 194.*

22. *Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 15.*

23. См.: Панарин А.С. *Глобализация как вызов жизненному миру // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74, № 7.*

24. Становление глобальной мировой системы культуры, разрушая классическую систему цивилизации как совокупности локальных культур, базируясь на использовании новейших информационных технологий и открывающихся коммуникационных возможностей, может реализовываться

как наднациональное управление миром и вернуть нас на новой ступени к некой Глобальной Империи, что будет связано с возможностью тотального контроля за личностью (См.: Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004).

25. См.: Раишкофф Д. Медиавирус. М., 2003.

26. Когда мы часто для обозначения этих процессов используем термин «американизация», это не является следствием негативной оценки самих США, а просто отражает факт, что именно та страна, которая доминирует в научно-техническом отношении, в том числе и в сфере информационных технологий, может быть своеобразным культурным донором, распространяющим медиавирусы на все пространство современной культуры. Уже сегодня мы с горечью замечаем, что наши дети гораздо лучше героев русских сказок знают, кто такой Микки-Маус.

27. См.: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 8.

28. См.: Раишкофф Д. Медиавирус. М., 2003. С. 15.

29. Слотердайт П. Сферы I. Пузыри. СПб.: Наука, 2005. С. 541–542.

30. В августе 2009 г. в Германии был опубликован материал о расследовании более 100 диссертаций, авторам которых «помогали» в их написании, причём в таких науках, как медицина, юриспруденция, экономика и инженерные науки. Цена услуг доходила до 20 000 евро за диссертацию. Отмечено, что торговля диссертациями имеет место в Восточной Европе, США, некоторых центрально- или южноамериканских стран (См.: Verdacht auf verschachtelte Dokortitel. Staatsanwaltschaft ermittelt gegen hundert Professoren. URL: <http://www.spiegel.de/unispiegel/studium/0,1518,644397,00.html>; Akademische Titel. CDU-Politiker soll falscher Doktor sein. URL: <http://www.spiegel.de/unispiegel/jobundberuf/0,1518,637812,00.html>).

31. Симон Кардонский. Кризисы науки и научная мифология // Отечественные записки. URL: http://www.strana-oz.ru/numbers/2002_07/2002_07.

32. См.: Миронов В.В. Философия и метамарфозы культуры. М., 2005.

33. Постмодернизм отразил «поворот к языку», который недоучитывался классической философией. Но если в 20-е гг. на первый план вышел «предметно-объектный уровень исследования языка», то особенность постмодернизма в том, что он осуществляет «рефлексию над самими приемами анализа объектов» (Грязнов А.Ф. Постмодерн взбудрил аналитическую философию. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/199908/1999_8_03.htm).

34. «Несоответствие между, с одной стороны, информационной мощью системы, способной донести ваше высказывание до миллионов персональных компьютеров во всех уголках земного шара, а с другой – никем не контролируемой степенью вашей компетентности, подготовленности, морального и интеллектуального права высказываться по обсуждаемому вопросу, создает у участника интернетовского общения чувство

игровой легкости. Возникает соблазн и возможности в любой момент соскользнуть в несерьезность и иронию, столь полно соответствующие атмосфере постмодерна...» (*Кнабе Г.* Принцип индивидуальности, постмодерн и альтернативный ему образ философии // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/edu/99-05-24/knabe.htm>).

35. «Он допускает возможность множественности авторов, размытие функций автора и читателя, расширенные работы с нечеткими границами и множественность путей чтения...» (*Визель М.* Гипертексты по ту и эту стороны экрана // Иностранная литература. Электронная версия журнала. 1999. № 10. URL: <http://novosti.online.ru/magazine/inostran/n10-99/visel.htm>).

36. Не знаю, насколько необходимо обсуждать, например, проблему такого «культурного феномена», как «дерьмо» или «пуканье», представляющего собой «некий звук, который всегда что-то означает в социальных ситуациях», и глубокомысленный вывод автора о том, что «семантика пуканья представляет собой весьма сложную проблему» (*Слотердайт П.* Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001. С. 181).